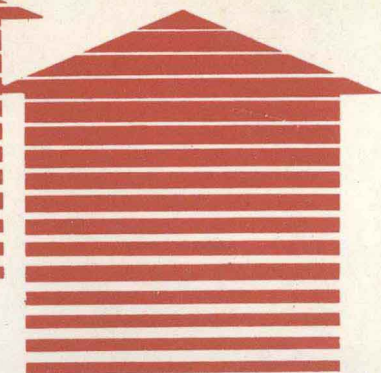

О.Р.ЛАЦИС

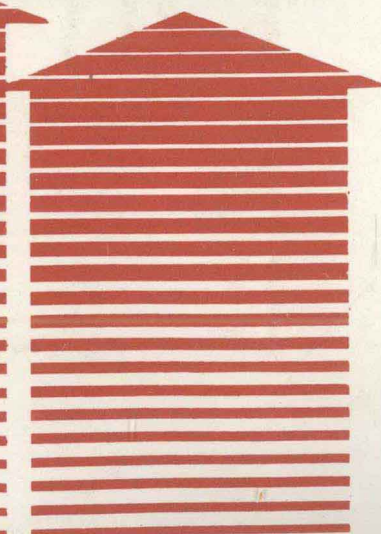
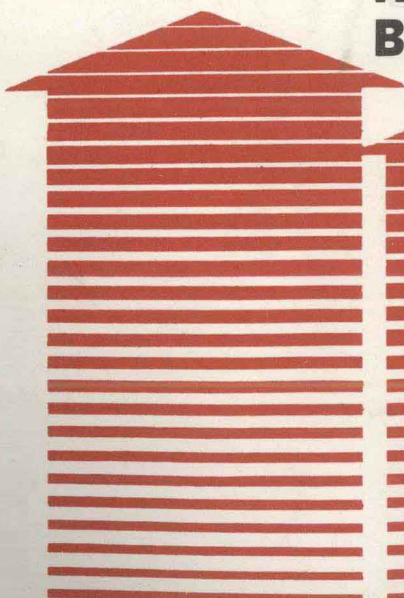

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ

И

ЦЕНТРАЛИЗМ УПРАВЛЕНИЯ

**ПРОБЛЕМЫ
ВЗАИМОСВЯЗИ**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт экономики
мировой социалистической системы

О.Р.ЛАЦИС

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ
И
ЦЕНТРАЛИЗМ
УПРАВЛЕНИЯ**

**ПРОБЛЕМЫ
ВЗАИМОСВЯЗИ**

Ответственный редактор
доктор экономических наук
Р. Н. ЕВСТИГНЕЕВ

МОСКВА «НАУКА» 1987

В монографии рассматриваются проблемы экономической централизации и концентрации социалистического производства и их взаимосвязь с развитием централизованного планового управления народным хозяйством. Анализируется опыт СССР и других стран СЭВ в этой области, в частности малоизвестные материалы о хозяйственной деятельности Ф. Э. Даржинского. Значительное место уделено развитию объединений как формы экономической централизации, включая современные производственные объединения в СССР и зарубежных социалистических странах.

Рецензенты:

П. И. КУЛИГИН, В. Г. СТАРОДУБРОВСКИЙ

Отто Рудольфович ЛАЦИС

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ И ЦЕНТРАЛИЗМ УПРАВЛЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОСВЯЗИ

Утверждено к печати

Институтом экономики мировой социалистической системы АН СССР

Редактор издательства С. Д. Какузина

Художник Ф. Н. Буданов. Художественный редактор Г. П. Валлас

Технический редактор Н. Н. Плохова. Корректоры Л. И. Левашова, Ф. Г. Сурова

ИБ № 36041

Сдано в набор 25.11.86. Подписано к печати 27.03.87. А-04688. Формат 60×90¹/₁₆.

Бумага офсетная. № 1. Гарнитура обыкновенная новая. Фотонабор.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 9,5. Усл. кр.-отт. 9,8. Уч.-изд. л. 12,5.

Тираж 2550 экз. Тип. зак. 1020. Цена 1 р. 60 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

ВВЕДЕНИЕ

«Исходя из требований жизни, надо по-новому взглянуть на некоторые теоретические представления и концепции, — говорится в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии. — Это относится к таким крупным проблемам, как взаимодействие производительных сил и производственных отношений, социалистическая собственность и экономические формы ее реализации, товарно-денежные отношения, сочетание централизма и самостоятельности хозяйственных организаций и другие»¹.

По-новому взглянуть на сложившиеся представления... Это, может быть, самое трудное в той работе по перестройке нашей экономической жизни, которую наметил XXVII съезд. Самое трудное и самое необходимое, если учесть сложность стоящих перед экономистами (теоретиками и практиками) задач. Вспомним, какие требования предъявил съезд к будущему механизму планового управления и экономического стимулирования: полный хозрасчет предприятий, оптовая торговля средствами производства, широкое применение нормативных методов планирования и стимулирование на их основе, передача текущего управления производством в руки предприятий при сосредоточении усилий центральных органов на стратегических задачах, повышение роли потребителей в оценке качества продукции и др. Чтобы выстроить систему, отвечающую таким требованиям, нужна действительно радикальная реформа — косметическим ремонтом старого механизма здесь не обойтись.

Следовательно, от экономистов требуется широкий, системный взгляд на действительность — и в анализе коренных недостатков хозяйственной жизни, и в поиске путей их преодоления. Нет смысла предлагать отдельные «гайки» и «болты», не разобравшись, каким должен быть весь механизм хозяйствования в условиях интенсификации. Определяя контуры этого механизма сейчас, когда годы унущены в бездействии и назревшая перестройка запаздывает, экономисты не имеют времени на неторопливые поиски методом проб и ошибок. Для того чтобы реформа реально содействовала ускорению экономического роста, мало обеспечить ее успех. Важно еще, чтобы цена успеха не была слишком большой — как в смысле платы народного хозяйства за исправление возможных ошибок, так и в смысле времени, затраченного на решение.

Последнее представляется особенно важным. Время, затраченное на экономические поиски, дискуссии, эксперименты, как-то не принято учитывать, за него не принято спрашивать. Но ведь в данном случае время — деньги в прямом смысле слова. Зряшные потери времени неизбежны, если не предотвратить бесплодное повторение того, что давно пройдено в дискуссиях и опытах прошлых дней. На ниве научной, как

и на хлебной ниве, тоже бывают потери возвращенного, найденного, созданного. Когда они случаются, приходится заново добывать ранее уже добытую научную истину. В экономической науке повторение пройденного обходится особенно дорого — ведь эта отрасль знаний часто ведет свои поиски не в лабораториях, а в самой жизни, вместе со всем народным хозяйством. Может быть, потери такого рода удалось бы уменьшить, если бы мы научились в повседневной научной и практической работе помнить и на деле применять все богатство нашего опыта.

Помнить практику и экономическую мысль нашей страны начиная с периода, когда свой вклад в экономическую науку и практику внесли В. И. Ленин и его ближайшие соратники. Кстати, экономическая наука до сих пор почти не заметила того факта, что большой и во многом поныне актуальный вклад в теорию сделали крупные практики-хозяйственники 20-х годов, отнюдь не считавшие себя учеными: Ф. Э. Дзержинский, Г. К. Орджоникидзе, В. П. Ногин, Я. Э. Рудзутак, В. Н. Манцев, В. И. Межлаук и др. Соответственно мало изучены или совсем не изучены их экономические идеи. Чуть больше внимания уделили этой теме историки. Но их публикации не возмещают отсутствия анализа экономических идей.

По-своему актуален экономический опыт времени Великой Отечественной войны. Такое утверждение может показаться странным тому, кто видит в опыте тех лет лишь чрезвычайные меры по усилению прямого командного управления (что, бесспорно, имело место и было оправданно и — столь же бесспорно — не может быть полезным в сегодняшних условиях). Но было и другое: поразительная оперативность плановых решений и действий, предельная подвижность структуры производства, максимальная самостоятельность и личная ответственность руководителей крупных предприятий за конечные результаты. Было умение решать крупные задачи с малыми ресурсами.

Нет пользы и в том, чтобы забывать дискуссию политэкономов начала 50-х годов. Нельзя забывать прежде всего ее ошибки и упрощения — хотя бы потому, что некоторые (пусть уже немногие) авторы и сегодня склонны третировать кооперативно-колхозную собственность как «второсортную», а существование товарно-денежных отношений признавать лишь с тяжким вздохом. Не надо забывать и того, что эта дискуссия положила конец некоторым еще более примитивным представлениям, бытовавшим ранее, например, отрицанию объективного характера экономических законов.

Но конечно, самое актуальное сегодня — это опыт реформы и экономической дискуссии 60-х годов, а также анализ экономического развития последующих лет. Парадоксально, но факт: систематического анализа итогов реформы — научного и практического — не было. Отрывочен анализ ее позитивного воздействия на экономическое развитие в восьмой пятилетке, вполне очевидного сегодня. И практически отсутствует исследование ее недостатков, причин незавершенности, побуждающей сейчас вновь ставить реформу в повестку дня. Многие уже забыли и экономическую дискуссию 60-х годов — чем иначе объяснить, что в ряде публикаций последнего времени дискуссия возобновляется отнюдь не с той высшей точки, к которой она пришла, а с повторения некоторых первоначальных, позднее преодоленных позиций, не позволяющих подойти к решению тех задач, которые поставил XXVII съезд партии.

Вспомним первый шаг критической экономической мысли: усовершенствовать инструменты (показатели плана), посредством которых деятельность предприятий контролировалась «сверху». Этот первый критический подход еще не затрагивал главного недостатка хозяйственного механизма: игнорирования интересов самих коллективов предприятий. Хотя и говорилось о повышении заинтересованности, по сути дела, ставка по-прежнему делалась не на то, чтобы по-новому формировать интересы предприятий, а на то, чтобы более надежно принуждать их действовать вопреки своим интересам.

В самом деле, на чем основывалась система ограниченного хозрасчета, сложившаяся в своей основе в годы предвоенных пятилеток? На предположении, что общенародные интересы способен выразить лишь народно-хозяйственный план, вырабатываемый центральными органами планирования и управления. Заметим, что такое предположение было в основном справедливо при определенных целях экономического развития: именно тогда, когда это развитие было подчинено прежде всего обороне страны или подготовке к обороне. Положение изменилось, когда спектр целей экономического роста расширился и наиболее общей задачей стало повышение эффективности производства в целях удовлетворения потребностей трудящихся. В новых условиях сложившаяся структура отношений («центр» определяет планы производства и ресурсное обеспечение, предприятия выполняют эти планы, «центр» оценивает выполнение и соответственно поощряет) объективно поощряла групповые интересы предприятий, а затем и ведомств. От предприятий требовалось не удовлетворять запросы потребителей, а выполнять план. Правда, предполагалось, что план выражает общественные потребности. Но механизм исключал потребителя из процесса планирования — в нем действительно участвовали лишь производитель и ведомство, которым нужно одно: план — полегче, ресурсов — побольше. И планы все меньше обслуживали общественные потребности, все больше нацеливались на избыточное, самоцельное производство ресурсов. Интересы трудового коллектива все чаще расходились с интересами общества, становились антиобщественными. В таком случае только и оставалось «отключать» интересы предприятий, уповав лишь на административное регулирование производства. Здесь коренился главный порок хозяйственного механизма, тормозивший использование ведущего преимущества социализма — преимущества «работы на себя», которое так подчеркивал Ленин². Все прочие многочисленные недостатки хозяйственной системы носили характер подчиненный по отношению к этому главному и определяющему недостатку.

Сейчас уже ясно, что в 60-е годы было начато (а в 70-е, к сожалению, приостановлено) формирование системы планового управления, отвечающей требованиям нового этапа — этапа интенсивного роста. Документы XXVII съезда партии выражают эти требования в полной мере. Они кладут конец затянувшейся поре споров и не получающих продолжения экспериментов, кладут начало практической постройке новой системы — радикальной реформе. Далеко идущие принципиальные установки съезда предстоит теперь воплотить в конкретные нормативные акты, а затем в хозяйственную практику. Очень важно при этом не сбиться с пути, не соскользнуть с того уровня требований к хозяйственному механизму,

который задал съезд, не позволить никому подменить реформу перекраской старого фасада.

Значительную помощь в этой ответственной работе может оказать достоверное знание обширного опыта социалистического экономического строительства. Учет прежнего исторического опыта СССР, а также опыта зарубежных социалистических стран позволяет сократить время поисков, избежать бесплодного повторения пройденного. Учитывать опыт не значит копировать его или искать в прошлом готовые ответы на вопросы сегодняшней практики. Порой вообще требуется использовать опыт прошлого не в позитивном смысле, а лишь для того, чтобы не повторять ошибок. Но в любом случае знать накопленный опыт необходимо.

В настоящей монографии, разумеется, не ставится непосильная для одного исследования задача обозреть и проанализировать весь опыт социалистической экономики, имеющих отношение к решению задач, выдвинутых XXVII съездом партии. В центре внимания автора — круг проблем, связанных со следующим важным положением новой редакции Программы партии: «Должно обеспечиваться последовательное осуществление ленинских принципов управления, и прежде всего принципа демократического централизма, выражающего единство обоих его начал — повышение эффективности централизованного руководства и значительное расширение хозяйственной самостоятельности и ответственности объединений и предприятий»³.

Поскольку съезд потребовал не частных усовершенствований, а коренной переделки, радикальной реформы хозяйственного механизма, возникает необходимость не только тщательной отладки отдельных экономических рычагов, приемов, нормативов, но и выверки общих принципов построения системы управления, основанной на полном хозрасчете предприятий (объединений). Ведь «кто берется за частные вопросы без предварительного решения общих, тот неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя „наткаться“ на эти общие вопросы. А наткаться слепо на них в каждом частном случае значит обрекать свою политику на худшие шатания и беспринципность»⁴.

Целью настоящей монографии является исследование опыта реализации одного из главных системообразующих принципов управления социалистической экономикой — принципа централизма — в его взаимосвязи с основными объективными процессами развития производительных сил, процессами обобществления и прежде всего централизации производства и труда. При этом, на наш взгляд, в условиях глубокой перестройки хозяйственной системы актуальным является исследование закономерностей ее развития в широком историческом контексте. Поэтому в книге предпринята попытка рассмотреть узловые вопросы взаимодействия экономической централизации и централизма управления на разных этапах развития социалистического способа производства и в разных странах, а также специфическое преломление этих процессов в сфере международных экономических отношений стран — членов СЭВ в условиях социалистической экономической интеграции.

При работе над монографией автор исходил из того, что и этому кругу вопросов посвящена обширная литература. Поэтому, например, при исследовании форм экономической централизации и методов осуществления

централизма в советской экономике 20-х годов подробно рассматриваются лишь вопросы, слабо освещенные в семитомной «Истории социалистической экономики СССР», — это некоторые аспекты развития синдикатской системы и опыт акционерных обществ. При описании современного опыта зарубежных европейских социалистических стран принималось во внимание то, что издательством «Наука» недавно завершен выпуск серии монографий «Экономика и политика зарубежных стран социализма», включающей, в частности, работы, посвященные новейшему опыту социалистического строительства в Болгарии, Венгрии, ГДР, Румынии, Чехословакии⁵. Представляется излишним также повторять отдельные положения, хотя и имеющие отношение к избранной теме, но уже изложенные в предыдущей монографии автора⁶, а также в коллективной монографии об опыте интенсификации экономики зарубежных социалистических стран Европы⁷. В связи с этим автор стремился сосредоточить внимание на том новом, что не было рассмотрено в названных работах, а также в других научных трудах последних лет.

При сборе материала наряду с экономической литературой, советской и зарубежной, автором использована также информация, полученная в ходе личного ознакомления с деятельностью объединений и предприятий СССР и ряда зарубежных стран, а также некоторых международных экономических организаций стран — членов СЭВ.

¹ Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. С. 38.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 196.

³ Материалы XXVII съезда КПСС. С. 148.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 15. С. 368.

⁵ Народная Республика Болгария. М., 1983; Венгерская Народная Республика. М., 1983; Германская Демократическая Республика. М., 1983; Социалистическая Республика Румыния. М., 1984; Чехословацкая Социалистическая Республика. М., 1984.

⁶ Лацис О. Р. Объединения в странах СЭВ: формы национальной и международной концентрации. М., 1978.

⁷ Интенсификация экономики в зарубежных социалистических странах Европы. М., 1986.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

Глава I

Планомерность в современной экономике: дилеммы подлинные и мнимые

Последняя четверть XX в. серьезно изменила характер и проблемы экономического развития во всем мире. Происшедшие глубокие, порой драматичные перемены в условиях воспроизводства вновь подчеркнули коренные различия в подходе капитализма и социализма к решению экономических и социальных проблем.

В мире капитала бурные события 70—80-х годов одним махом смели многие иллюзии, культивировавшиеся буржуазной пропагандой и наукой на протяжении десятилетий. Ныне, когда циклические кризисы мировой капиталистической экономики повторяются с небывалой за полстолетия частотой и силой, когда на них наслаивается целая серия «структурных» кризисов, когда инфляция не прекращается даже в периоды спада производства, а безработица не уменьшается даже в пору его подъема, простому человеку на Западе, пожалуй, трудно поверить, что еще полтора десятилетия назад апологеты капитализма утверждали, будто этот строй нашел способы бесконфликтного развития и может обходиться без кризисов, безработицы.

В то же время мир социализма, оказавшийся перед необходимостью решать принципиально новые, неизвестные прежде задачи перехода на интенсивный путь роста, встретивший серьезные трудности в решении этих исторического масштаба задач, вновь подтвердил коренные преимущества общественного строя, все развитие которого подчинено интересам трудящихся. Объективный ход событий показал: превосходство социализма не в том, что он не знает проблем и противоречий — они есть в любой общественной системе, в любой стране. Превосходство социализма проявляется в том, что возникающие проблемы и противоречия разрешаются в интересах трудящихся, в интересах всего общества, а не отдельных классов и групп. Эта общая истина так или иначе проявляется во всех конкретных областях общественной жизни, в частности в подходе общественного строя к проблеме планомерности экономического развития.

Капитализм и сейчас еще нередко по привычке ассоциируется с анархией, с полной беспланоностью. Однако это верно лишь в отношении самых общих процессов социально-экономического развития в целом — процессов развития личности и общества. Если же говорить только о хозяйственной жизни мира капитала, то тут уже давно нет «чистой» стихийности, нет свободной конкуренции, или, как выражаются апологеты

капитализма, «свободного предпринимательства». Еще в прошлом веке Ф. Энгельс замечал: «Если мы от акционерных обществ переходим к трестам, которые подчиняют себе и монополизируют целые отрасли промышленности, то тут прекращается не только *частное производство*, но и *отсутствие планомерности*»¹.

В. И. Ленин много раз обращался к этим словам, в частности в ходе весьма важной не только в политическом, но и в научном отношении полемики по поводу пересмотра Программы партии в 1917 г. На предложение добавить к характеристике капиталистического производства указание на то, что товары производятся «анархически», В. И. Ленин возразил: «Это добавление теоретически неправильно, ибо как раз „анархичность“ или „отсутствие планомерности“, если взять выражение, употребленное в проекте Эрфуртской программы и оспоренное Энгельсом, не характеризует тресты»². Указывая на замену конкуренции монополией и развитие государственно-монополистической планомерности, В. И. Ленин в то же время настойчиво подчеркивал, что монополия не устраняет кризисов. «Устранение кризисов картелями есть сказка буржуазных экономистов, прикрашивающих капитализм во что бы то ни стало»³.

Спустя семь десятилетий после того, как был сделан этот вывод, история подсказывает его продолжение: кризисы разного рода возникают не только несмотря на капиталистическую планомерность — они могут возникать либо усугубляться и непосредственно вследствие этой планомерности. Энергетический кризис — лучшее тому доказательство. Ведь он разразился в той отрасли капиталистической экономики, управление которой централизовано в самых широких, мировых масштабах: добычей, переработкой и сбытом нефти во всем несоциалистическом мире десятки лет безраздельно командовал всемирный нефтяной картель, объединявший «семь сестер» — семь крупнейших нефтяных монополий. Именно этот крайний случай позволяет особенно наглядно рассмотреть корни и границы капиталистической планомерности.

Директор-распорядитель Американского химического общества, а до того заместитель министра торговли США Р. У. Кэрнс утверждал после начала энергетического кризиса, что его можно было предвидеть по крайней мере за три года⁴. Кэрнс считал необходимым создать в США центральный правительственный орган стратегического планирования в области технологии, подобный существующим органам стратегического планирования в области вооружений, обороны, космических исследований. Отсутствие такого органа он назвал одной из главных причин кризиса. Это буржуазный диагноз и буржуазный рецепт лечения. Кэрнс не хотел (или не мог) признать, что дело не в «отсутствии планомерности», а в капиталистическом характере этой планомерности, которого не отменит вмешательство буржуазного правительства.

В самом деле, система разработки и проведения долгосрочной стратегии в основных сферах экономики тех же США существует давно. Были разработаны в свое время прогнозы и рекомендации и в энергетической области, и сейчас нетрудно убедиться, что они неукоснительно выполнялись — существующего аппарата государственно-монополистического регулирования оказалось для этого вполне достаточно. Но именно выполнение таких рекомендаций и привело к энергетическому кризису.

В конце 50-х годов финансируемая за счет фонда Форда корпорация «Ресурсы для будущего» разработала прогноз американской экономики на 1975 г. Отдельный том этой капитальной работы был посвящен энергетике. На основе анализа развития энергетике за сто с лишним лет давались прогноз и рекомендации на пятнадцать лет вперед — до 1975 г. Вот главный вывод авторов: «Исходя из обеспеченности США природными ресурсами, а также учитывая возможный технический прогресс, можно утверждать, что в 1975 г. (или примерно в это время) США смогут обеспечить свои потребности во всех видах энергии за счет собственных ресурсов (как с точки зрения общих потребностей в энергии, так и с точки зрения потребления отдельных видов энергии). При этом не произойдет сколько-нибудь значительного повышения производственных издержек за исключением тех, которые могут быть вызваны повышением общего уровня цен»⁵.

Невозможно было выбрать временной горизонт, более наглядно демонстрирующий провал прогноза: примерно 1975 год. В это самое время на США и на все индустриально развитые капиталистические страны обрушился энергетический кризис, а за ним и небывалый по глубине после 30-х годов циклический кризис, который подвел черту под тридцатилетием относительного благополучия капиталистической экономики, породившим столько иллюзий.

Легче всего улыбнуться, перечитывая задним числом этот и другие подобные прогнозы, на основе которых американские монополии и правительство вырабатывали свою экономическую стратегию на 50—70-е годы. Но гораздо полезнее и интереснее разобраться: почему же ошиблись их авторы?

Попытка обнаружить сколько-нибудь серьезный экономический или технический просчет в прогнозе корпорации «Ресурсы для будущего» приводит к поразительным результатам. Даже сейчас, задним числом, таких ошибок найти нельзя.

В качестве исходной позиции для оценки демографических процессов (с них начинается общий анализ) авторы прогноза взяли на всякий случай заведомо завышенный, как они считали, темп прироста населения США — этот темп дал бы в 1975 г. общую численность населения 233 млн человек. Они оказались правы: фактическая численность населения к тому времени действительно была ниже названного ими предела.

Предполагалось, что среднегодовой прирост валового общественного продукта США составит 4%; это само по себе говорит о большой уверенности авторов прогноза в своей квалификации, поскольку прежде США не знали столь высоких темпов в течение столь длительного времени. Следовательно, простой экстраполяцией прежних темпов такую цифру получить было нельзя; тут требовался солидный анализ перспективных тенденций. Многие выражали сомнение в реальности такого предположения, но темпы роста американской экономики в 60-х годах действительно заметно возросли по сравнению с предшествующим периодом, и этот прогноз темпов подтвердился с высокой степенью точности.

Специалисты корпорации «Ресурсы для будущего» правильно предвидели и то, что основными источниками энергии в 1975 г. будут нефть, газ и уголь, значение атомных и гидроэлектростанций будет второстепенным.

Близким к истине, насколько возможно в столь долгосрочном прогнозе, оказался и расчет потребности на 1975 г. в отдельных видах ресурсов. Наконец, подтвердилось предсказание, что США будут располагать природными запасами, экономическими и техническими возможностями, позволяющими произвести больше и электроэнергии, и нефти, и газа, и угля, чем потребуется стране в 1975 г.

Правда, они не предсказывали, каково будет фактическое производство каждого вида энергии, а прогнозировали лишь, сколько США смогут произвести. Этот прогноз оказался близок к фактической цифре только по электроэнергии. Нефти, газа и угля добывалось значительно меньше. Но нет сомнений, что страна могла бы при желании значительно расширить добычу. Запасы угля в США, добыча которого на сегодня экономически оправдана и технически освоена, обеспечивают достигнутый объем добычи на 2000 лет. Разведанные запасы нефти в момент составления прогноза обеспечивали добычу лишь на 12 лет, но в прогнозе отмечалось, что, пока продолжается добыча, продолжается и разведка, причем обеспеченность США разведанными запасами растет. И верно, открытые после того месторождения нефти на Аляске превзошли все ранее известное. Так что если к моменту начала энергетического кризиса добыча источников энергии в США уступала потребностям страны, то такое положение объяснялось лишь сознательной установкой на импорт ресурсов, которыми она и сама располагает.

Но и это предсказывали, более того, советовали авторы прогноза. С одной стороны, они писали: «Выбор 1975 г. в качестве даты, на которую дается прогноз (на 15 лет со времени опубликования настоящего труда), отражает мнение авторов о том, что проблемы обеспечения США энергией, которые могут возникнуть в будущем, будут легко разрешимы при помощи соответствующих мер в течение указанных 15 лет. При наличии в США таких потенциальных ресурсов энергии, как нефтяные сланцы и атомная энергия, эти проблемы вряд ли будут серьезными»⁶. С другой стороны, они вопрошали: «Разве мы не должны использовать преимущества импорта дешевой нефти?»⁷ И страна использовала эти преимущества почти 15 лет после составления прогноза, как и 10 лет до его составления (США превратились из экспортера нефти в ее импортера в 1947 г.).

Итак, каждая исходная позиция прогноза в отдельности подтвердилась, а общий вывод оказался разительно неверным. Вместо обещанного отсутствия серьезных проблем — сильнейший энергетический кризис, потрясший не только американскую, но и всю капиталистическую экономику. Как это могло произойти?

Капитализм пытается освободиться от своих «вечных» болезней, совершенствуя средства достижения цели, но источник болезней заключен в самой цели капиталистического производства. От нее невозможно отказаться, не отказываясь от капитализма. Причина возникших трудностей не в ошибках исполнителей воли правящего класса США, а в самой стратегии этого класса. Именно она предопределила и тот решающий выбор, который повел капиталистическую экономику навстречу энергетическому кризису. Авторы прогноза показали задолго до кризиса необходимость выбора между импортом нефти и самообеспечением. Считая возможным (технически) любой вариант, они исходили из того, что

выбор определит «политика, проводимая предпринимателями и правительственными организациями»⁸. А для этой политики определяющим оказалось то, что импорт нефти в тот момент был выгоднее, чем ее добыча в США. О том, как может сказаться в перспективе возникающая импортная зависимость, никто не заботился. Зависимость стран — экспортеров нефти от американских «предпринимателей и правительственных организаций», вынуждавшая отдавать нефть по искусственно заниженной цене, казалась авторам прогноза вечной.

Однако возникает вопрос: если в конце 50-х годов люди, делающие политику в США, не предвидели попытки стран-экспортеров установить суверенитет над собственной нефтью, предпринятой в 1973 г., то неужели они были так слепы, что не заметили возможности и даже неизбежности такого оборота событий за пять лет, за три года? Конечно, это не исключено, но маловероятно. Ведь были известны факты, которые позволяли предсказать не только скачок цен на нефть, но и всю происшедшую в 70-х годах революцию мировых цен, в корне изменившую их соотношение в пользу продавцов сырьевых и топливных товаров. Главным из этих фактов было неестественное движение ценовых пропорций в предшествующих десятилетиях: сырье становилось все дешевле по отношению к продукции обрабатывающих отраслей. На капиталистическом мировом рынке за 20 лет — с 1950-го по 1970-й — индекс экспортных цен на сырьевые товары упал на 2 %, на готовые изделия повысился на 45 %⁹. Пропорции обмена одного на другое изменились в 1,5 раза в пользу продавцов машин и другой продукции обрабатывающих отраслей, в убыток продавцам сырья. Между тем давно известно, что сырье в целом дорожает по мере продолжения и расширения добычи, поскольку наиболее эффективные месторождения отрабатываются первыми, потом вовлекаются все более бедные и труднодоступные. Как раз в рассматриваемый период процесс повышения затрат на добычу сырья ускорился, потому что сам рост масштабов добычи принял скачкообразный характер. Так, оценив происходивший в то время рост добычи минерального сырья, группа экспертов ООН во главе с В. Леонтьевым предположила, что в «оставшиеся 30 лет XX века мир поглотит его в 3—4 раза больше, чем было потреблено за всю предшествующую историю цивилизации»¹⁰. И если тем не менее реально движение цен мирового капиталистического рынка в 50—60-х годах столь явно противоречило закономерности относительного удорожания сырья по сравнению с продукцией обрабатывающих отраслей, то лишь потому, что на мировом рынке хозяевами были монополии развитых капиталистических стран — покупатели сырья и продавцы готовой продукции. Чем дольше сохраняли они прибыльные для себя противоестественные пропорции, тем сильнее накапливались в мировой экономике внутренние напряжения, как в земной коре перед землетрясением, тем опаснее становилась сила назревавшего взрыва.

Своими руками монополии — и прежде всего американские нефтяные монополии — готовили энергетический кризис. Почему же они не предвидели его? Классовая слепота? Самоуверенность силы? Могло быть и это. Но здесь еще не весь ответ на вопрос. Представим себе, что они обо всем заранее знали: и о революции мировых цен, и об энергетическом кризисе, и о 30 млн безработных в богатейших странах мира. Как бы они действовали в этом случае?

Скорее всего, точно так же. Главное ведь остается в силе: чужое сырье выгоднее своего, арабская нефть дешевле американской. А что эта искусственная дешевизна породила опасную диспропорцию, которая вылилась в энергетический кризис, не беда. Точнее, беда, но не для нефтяных монополий. Энергетический кризис капиталистического мира отнюдь не был кризисом энергетических монополий. Вздорожала сырая нефть, которую они покупали, тем легче стало монополиям повышать цены на нефтепродукты, которые они продавали. За все заплатил потребитель — неэнергетические отрасли хозяйства и население. Прибыли же нефтяных и других энергетических монополий не только не уменьшились, но и возросли.

Не преувеличиваем ли мы осознанность действий монополий, ведущих к глобальным потрясениям, подобным энергетическому кризису? Посмотрим, что писали советчики капитала *после* начала энергетического кризиса, когда опыт ошибок был уже всем известен, когда сотни миллионов людей прошли через страдания и потери, вызванные прежними диспропорциями.

Во второй половине 70-х годов была опубликована работа Эдисоновского института электричества «Экономика США в будущем (проблемы роста в национальной и глобальной перспективе)», подготовленная по заказу энергетических корпораций. Она содержит прогнозы на период от 1975 до 2000 г., а в общей форме — и на первые десятилетия XXI в. В списке консультантов, привлеченных к этой работе, значится один из руководителей бывшего прогноза корпорации «Ресурсы для будущего», в списке литературы — последние исследования фонда Форда. А главное — сам подход к проблемам, направленность исследования говорят: перед нами новая работа из того же ряда, что и рассмотренная выше.

Разумеется, авторы учли современные реалии, и прежде всего энергетический кризис. Они рекомендуют замедленный по сравнению с предыдущим периодом рост производства в США, экономии энергии, сырья и материалов (темпы роста их потребления ниже общих темпов экономического роста), повышение самообеспеченности путем сокращения доли импортных энергоресурсов, а также постройку складов горючего, создание резервных запасов и резервных мощностей, позволяющих в случае надобности выдержать шестимесячное эмбарго на поставки топлива в США.

Изменения материально-технического и технологического характера учтены. Но экономические методы и социально-политические цели не меняются. Представление о целях дают следующие рекомендации: отменить ограничения на рост цен для энергетических корпораций, повысить норму прибыли на их акции, повысить тарифы на электроэнергию. Указывается, что не следует осуществлять затраты на борьбу с бедностью в США и развивающихся странах: экономический рост якобы сам автоматически решит все проблемы такого рода. Что касается методов, то главным средством решения всех проблем объявляется экономический рост на основе «стимулов свободного рынка»¹¹.

Последнее утверждение не должно вводить в заблуждение. «Свобода рынка», этот излюбленный идеологический штамп буржуазной пропаганды, трактуется вполне определенно: для авторов данной работы она означает свободу рук на рынке для энергетических монополий, прежде

всего свободу в установлении нужных им цен на свою продукцию. Соответственно государство должно отказаться от контроля над этими ценами. Но с другой стороны, авторы прогноза прекрасно знают, что в реальной жизни капиталистического мира полной свободы рынка давно не существует, поскольку она начала отмирать еще сто лет назад, когда появились первые монополии. А раз так, то возможностями государственного-монополистического регулирования не следует пренебрегать. Исследователи из Эдисоновского института электричества излагают вполне определенные требования своих заказчиков к государству: оно обязано помогать энергетическим монополиям, кредитовать их, финансировать (разумеется, за счет налогоплательщиков), обеспечивать необходимые внешнеполитические условия.

Напомним: авторы прогноза, составленного в 50-х годах, не ошиблись или мало ошиблись в технико-экономических расчетах. Их заказчиков подвела общественно-политическая линия. Как же поступают авторы прогноза 70-х годов? Они сделали необходимые поправки технико-экономического характера с учетом новой ситуации. А в общественно-политической сфере (внутри страны и в международной политике) предлагают прежний курс. Иное противоречило бы интересам заказчиков. К тому же они убедились, что экономическое потрясения последних лет в капиталистическом мире, причинив огромный ущерб народному хозяйству и населению капиталистических и развивающихся стран, отнюдь не причинили ущерба монополиям.

В самом деле, до тех пор, пока сохраняется капиталистический характер международных экономических связей, даже такие крупные ценовые сдвиги, как многократное повышение цен на нефть в 70-х годах, не меняют сущности экономических отношений и, во всяком случае, не подрывают силы монополий. Хозяева капиталистической экономики прекрасно используют и то обстоятельство, что в современном производстве власть над ресурсами в их простой вещественной форме недостаточна — куда важнее финансовая власть, обладающая чрезвычайной мобильностью и приспособляемостью форм, а также распоряжение передовой технологией и квалифицированными кадрами.

Все это убедительно подтверждает, в частности, анализ последствий энергетического кризиса, сделанный кубинскими специалистами. Он содержится в докладе, представленном Ф. Кастро на VII Конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран.

Прежде всего в докладе ставится под сомнение правомерность самого термина «энергетический кризис». Во всяком случае, речь идет не об истощении запасов органического топлива на планете. «Скорее всего, речь идет о кризисе нерациональной структуры потребления, образовавшейся в результате деятельности монополий, что отражает неспособность существующего международного экономического порядка обеспечить сохранение соответствующих пропорций в поставках первичных энергоносителей»¹². В самом деле, в 1973 г. за счет нефти покрывалась почти половина мировых потребностей в энергетических источниках, тогда как еще в 1950 г. — чуть более четверти, что гораздо ближе к доле нефти в природных запасах органического топлива. Этот нерациональный сдвиг пропорций мировой экономики определила в основном структура хозяйства развитых капита-

листических стран, которые в 1976 г. забирали более 57 % потребляемой в мире энергии, тогда как производили ее менее 37 %.

После повышения цен на сырую нефть странами — членами ОПЕК основные покупатели этой нефти — транснациональные нефтяные корпорации — не проиграли, а выиграли. С 1973 по 1980 г. пять основных энергетических корпораций добились среднегодового увеличения прибыли без малого на миллиард долларов, а всего прибыль «семи сестер» в одном только 1980 г. достигла 24 млрд долл. Обснованным представляется сделанный в докладе вывод: «По сути дела, с момента национализации нефтяных предприятий странами — членами ОПЕК монополии избавились от наиболее рискованных сторон нефтяного бизнеса, сохранив в то же время свое господство в торговой и технологической сферах, которые приносят наибольшие прибыли и вызывают наименьшие осложнения»¹³.

Сохранили и укрепили свои позиции в отношениях с развивающимися странами не только нефтяные, но и прочие монополии, капиталистические страны в целом. Правда, затраты развитых капиталистических стран на импорт нефти в 1973—1979 гг. возросли до 818 млрд долл., но свои доходы от экспорта промышленных товаров они сумели поднять в тот же период до 828 млрд долл. Кроме того, страны ОПЕК с их однобокой индустриальной структурой не нашли достаточных возможностей для вложения приобретенных капиталов на своей территории и стали чаще вкладывать их в предприятия на территории развитых стран. В 1974—1979 гг. развитые капиталистические страны получили от стран ОПЕК и пустили в оборот 219 млрд долл.

В конечном счете наибольшие потери понесли развивающиеся страны — импортеры нефти, в которых сосредоточена большая часть населения развивающихся стран. Им было нечем защищаться от роста цен на нефть, с одной стороны, на продукцию обрабатывающей индустрии — с другой. Их задолженность приобрела катастрофические масштабы. В этот момент развитые капиталистические страны предприняли еще один маневр. В течение 70-х годов в общем объеме частных капиталовложений в развивающиеся страны доля прямых инвестиций (строительство предприятий) стала падать, но стремительно возросло использование финансовых средств транснациональных коммерческих банков для предоставления займов и кредитов. В итоге уже в 1979 г. развивающиеся страны выплачивали по процентам со своего внешнего долга сумму, втрое превышающую поступления от прямых инвестиций частного иностранного капитала. Бремя платежей по кредитам и небывало раздутых процентов так велико, что даже некоторые страны — экспортеры нефти, например Мексика, оказались не в состоянии перекрывать их выручкой от продажи нефти и надолго увязли в долговой кабале.

После этого наступил заключительный этап грандиозной операции, осуществленной за полтора десятилетия в мировой экономике при активном участии монополий. Развитые капиталистические страны начали перестройку структуры своей экономики, которую с точки зрения общественных интересов следовало бы провести на 20—30 лет раньше. Научно-технический прогресс теперь был направлен не на увеличение расхода нефти и других энергоносителей, а на их экономию. Закупки нефти в мире значительно сократились (в начале 80-х годов этому способствовал

и очередной циклический кризис капиталистической мировой экономики). Создав некоторые запасы нефти, монополии-покупатели повели контрнаступление на ОПЕК и добились поворота в движении цен на нефть: они начали снижаться. Соотношение цен на сырьевые товары и продукцию обрабатывающих отраслей на мировом рынке снова стало постепенно изменяться в том же направлении, что и в 50—60-х годах, лишь на новом уровне.

Операция завершена, можно подвести итоги.

Монополии развитых капиталистических стран, энергетические монополии прежде всего, значительно увеличили свои прибыли и укрепили свои позиции в мировой экономике. Возросла зависимость развивающихся стран от развитых капиталистических государств. В условиях, когда на мировом рынке наряду со старыми факторами (борьба за источники сырья и рынки сбыта) возросло значение финансового и в особенности технологического влияния, развитые капиталистические страны укрепились на этих перспективных позициях и готовы к новому раунду борьбы за сохранение неокOLONиалистского влияния. Если оценивать события с точки зрения интересов монополий, то надо признать, что государственно-монополистическая «планомерность» оказалась достаточно действенной.

Нет нужды доказывать, что ситуация выглядит прямо противоположной с точки зрения интересов подавляющего большинства населения планеты — жителей развивающихся стран. Но она выглядит противоположной и с точки зрения трудящихся самих США, уплативших чрезвычайно высокую цену и за фактически подготовленный монополиями энергетический кризис, и за последующую перестройку экономики, осуществляемую чисто капиталистическими методами. Наконец, происшедшие события обернулись и к невыгоде народного хозяйства США в целом. Первым сигналом стало поражение автомобильной промышленности США — своеобразного символа и средоточия лучших достижений американской промышленности XX в. С началом энергетического кризиса провалились на рынке новые модели всех трех крупнейших американских автомобильных корпораций на 1975 г.: они были едшиком велики и неэкономичны. Японский автомобиль стал теснить американский не только во всем мире, но и в самих США; по выпуску автомобилей Япония впервые вышла на первое место в мире. Затем настал черед металлургической промышленности, электронной. Годовой дефицит в торговле США с Японией достиг астрономической суммы: 50 млрд долл. Американские монополии нажились на энергетическом кризисе и его последствиях, а американская экономика проиграла. Она отстала в перестройке с энергоемкой на наукоемкую структуру от своего самого опасного конкурента.

Описанное — далеко не единственный, но лишь самый свежий и яркий пример, подтверждающий общий вывод: диспропорции и кризисы современной капиталистической экономики возникают не вследствие неумения планировать — они возникают прежде всего именно вследствие реализации планов монополий, выражающих их интересы. Проблема, следовательно, не в отсутствии планомерности, а в социальной направленности капиталистической «планомерности».

Таким образом, и коренное различие между хозяйственными систе-